

16. Щукина Г.И. Проблема познавательного интереса в педагогике.-М., 1971.

17. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте.- Вопр.психологии, 1971, № 4.

А.Б.ОРЛОВ, канд.психол.наук

ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ

В ЗАРУБЕЖНЫХ ТВОРЯХ СОЦИАЛЬНОГО НАУЧЕНИЯ

Развитие зарубежных теорий мотивации представляет собой развертывающееся противоречие двух теоретических ориентаций – объективистской ориентации, в соответствии с которой поведение детерминируется внешней средой, стимулами и подкреплениями, и субъективистской ориентации, согласно которой детерминантами поведения являются внутренние мотивационные диспозиции (потребности, мотивы, установки и т.п.) личности. Определенным синтезом этих двух ориентаций стала теория К.Левина [15], в которой поведение рассматривается как функция взаимодействия двух глобальных переменных – личности и психологического окружения: $B = f(P, E)$.

Постлениновский период развития зарубежных теорий мотивации характеризуется, в первую очередь, стремлением исследователей разработать теории мотивации "среднего уровня", конкретизирующие данную общую формулу поведения в приложении к конкретной экспериментальной практике. Это общее для всех современных когнитивных теорий мотивации стремление реализовалось, однако, каждый раз особым образом в зависимости от того, какой исходной ориентации придерживались создатели теорий среднего уровня.

Согласно Б.Мадсену [20], современные теории мотивации развиваются в русле трех теоретических традиций. Это традиции Павлова-Хэбба, Торндайка-Халла и Фрейда-Меррая. Если исключить из рассмотрения первую из них, как преимущественно физиологическую, то две оставшиеся традиции (объективистская бихевиористская и субъективистская психоаналитическая) образуют те исходные теоретические ориентации, которые во многом определяли и определяют характер и направленность конкретизаций формулы $B = f(P, E)$ в теориях мотивации среднего уровня.

В качестве примера субъективистской конкретизации формулы Левина можно привести теорию мотивации достижения МакКелланда-Аткинсона [21]. Основными понятиями этой теории, развивавшейся первоначально в мерреевской традиции, являются, как известно, диспо-

зиционные понятия "мотив достижения успеха" и "мотив избегания неуспеха". Эти мотивы в сочетании с ситуативными переменными: субъективной вероятностью успеха - неуспеха и побудительной ценностью успеха - неуспеха составляют основные детерминанты целеправленного поведения в модели Дж.Аткинсона [2].

В определенной оппозиции к данной субъективистской конкретизации формулы Левина разрабатывалась ее объективистская конкретизация, представленная теорией социального обучения *social learning theory*. В этой теории, развивающейся в бихевиористской традиции, акцент ставится не на диспозициональных внутриличностных, а на ситуативных средовых детерминантах поведения. Несмотря на многообразие вариантов теории социального обучения (в числе которых можно указать концепции А.Бандуры [6], У.Мишеля [24], Дж.Роттера [30] и других крупных психологов), все они основаны на следующих четырех общих положениях: 1. Наиболее важные детерминанты поведения формируются прижизненно в результате обучения. Генетические и биологические факторы выступают лишь как ограничения возможного опыта обучения; 2. Поведение является ситуативно специфичным. Иначе говоря, "люди поступают так, а не иначе в ответ на требования и характеристики определенной ситуации, в которой они находятся в данный момент" [17, 310]; 3. Внешний мир оказывает существеннейшее влияние на поведение; 4. Теория мотивации должна использовать минимум теоретических конструктов и предположений, руководствуясь главным образом конкретными экспериментальными данными [см. 38, 229-230].

По своим основным теоретическим установкам теория социального обучения наиболее близка концепции Э.Толмена [36], так как центральным понятием этих теорий является ситуативистское понятие "ожидание подкрепления". Этим они отличаются от ортодоксальных бихевиористских концепций, основной детерминантой поведения в которых является само подкрепление, а не его ожидание. Название "теория социального обучения" объясняется тем, что данная теория строится на фактах, полученных в экспериментах, проводящихся не на животных, а на людях, и само обучение рассматривается не как результат отбора подкрепляемых реакций, а как "обсервационное обучение", т.е. обучение путем когнитивной обработки результатов наблюдений за поведением других людей. Результат такого обучения - это не рефлексорные связи $S \rightarrow R$, а совокупность когнитивных ожиданий, посредством которых индивиды интерпретируют и концептуализируют окружающий социальный мир.

Один из вариантов теории социального научения был разработан Дж.Роттером [30], который видел ее главную задачу в том, чтобы дать взаимосвязанное описание основных детерминант целенаправленного поведения. Теория социального научения Роттера была создана для предсказания выбора, совершающегося индивидом в ситуации, в которой существует несколько возможных путей поведения. Для объяснения и предсказания такого выбора Роттер стремился интегрировать два основных подхода в американской психологии: ортодоксальный бихевиоризм Скиннера и Халла и когнитивную психологию Толмена и Левина. В теории Роттера акцентируются как общие (диспозиционные), так и специфические (сituативные) детерминанты действия, являющиеся результатом опыта научения. Роттер вслед за Левином считает, что "единицу исследования при изучении личности образует взаимодействие индивида и его осмыслиенного окружения" [30, 85].

В своих практических приложениях (главным образом в клинической психологии и в психологии научения) теория социального научения должна была, по мнению Роттера, давать возможность предсказания поведения на основе анализа, контроля и систематического варьирования его отдельных детерминант. Такими детерминантами являются: подкрепление (все, что влияет на возникновение, направление и тип поведения), ценность подкрепления (степень предпочтения отдельного подкрепления при равенстве вероятностей появления подкреплений), потребность (субъективная проекция ценности подкрепления), ожидание (субъективная вероятность появления определенного подкрепления) и психологическая ситуация (детерминанта, оказывающая косвенное влияние на поведение за счет изменений ценности подкреплений и их ожиданий). Основная формула для предсказания поведения имеет следующий вид:

$$BP_{x, SI} = f(E_{x, Ra, SI} \& RVa, SI),$$

где $BP_{x, SI, Ra}$ – потенциальное поведение x в ситуации I в связи с подкреплением a ;

f - функция; $E_{x, Ra, SI}$ – ожидание подкрепления a , следующего за поведением x в ситуации I; RVa, SI – ценность подкрепления a в ситуации I. Данная формула читается таким образом: потенциальное поведение x в ситуации I в связи с подкреплением a является функцией ожидания подкрепления a , следующего за поведением x в ситуации I, и ценности подкрепления a в ситуации I [33, 14].

Введение в число детерминант поведения когнитивной переменной "ожидание подкрепления" явилось результатом критики с позиций тео-

рии социального научения как ортодоксального бихевиоризма, так и диспозициональных (и, прежде всего, психоаналитических) концепций, апеллировавших для предсказания поведения к гипотетическим инстанциям и защитным механизмам личности, данные о которых психологи получали только при помощи косвенной диагностики. Все диспозиционные концепции, предполагающие непосредственную, прямую детерминацию поведения устойчивыми личностными особенностями, постоянно фиксируют определенный разрыв, несоответствие между эмпирическими данными тестирований, наблюдений и т.п. и реальным поведением индивидов. Для того чтобы преодолеть или по крайней мере уменьшить этот разрыв между диспозициями и поведением и вводится понятие "ожидание", т.е. считается, что отношение между ценностью подкрепления (и потребностью) и поведением можно определить только при учете ожидания индивидом на основе прошлого опыта, что данное поведение действительно приведет к положительному, а не отрицательному подкреплению [31, 305].

Подобно тому, как в теории мотивации достижения вслед за теоретической разработкой основных понятий модели целенаправленного поведения [2, 21] наступил этап ее актенсивной эмпирической верификации [3; 4; 5], так и в русле теории социального научения Роттера, начиная со второй половины 50-х годов началась экспериментальная разработка основных понятий и, прежде всего, понятия "ожидание подкрепления". В результате серии эмпирических исследований [12; 13; 25] к середине 60-х годов сложилась оригинальная мотивационная теория "локализации контроля подкрепления" (*locus of control of reinforcement*) [32].

Теоретические предпосылки концепции локализации контроля формировались, как мы видели, под явным влиянием необихевиоризма Толмена и гештальтистских построений Левина, в то время как ее эмпирические предпосылки складывались в клинической психологии и психологии научения.

Один из исследователей, стоявших у истоков изучения локализации контроля, - Дж.Фаэс [26] - указывает, что самые первые, аморфные очертания понятия "локализация контроля" возникли в результате анализа одного клинического случая, с которым он столкнулся в психотерапевтической практике в 1954 году. Карл С. - таково вымышленное имя 23-летнего пациента Фаэса - испытывал очевидные трудности в межличностном общении. Этот случай нельзя было отнести к числу обычных, потому что пациент не обнаруживал ни повышенной тревожности, ни сопутствующих ей невротических симптомов. Он стремился к

значимым для него целям, но не мог их достичь, и именно это его мучило. Однако Карл С. не был "классическим" невротиком. Терапия, построенная на основе обучения необходимым навыкам и формам общения, не дала ожидавшихся положительных результатов, несмотря на то, что пациент очень старался выполнять все рекомендации терапевта и часто добивался объективных успехов. Но опыт таких успехов совершенно не влиял на его поведение, что находилось в прямом и очевидном противоречии с законом эффекта. В ходе психотерапии становилась все определеннее основная причина душевного расстройства Карла С., состоявшая в том, что он не видел какой-либо причиной слезы между своим поведением и соответствующим этому поведению подкреплением. Все свои объективные успехи он приписывал счастливому случаю или другим факторам, над которыми он не имел контроля. Иначе говоря, у него сложилось устойчивое убеждение в том, что результаты его поведения контролируются внешними, случайными обстоятельствами, а не какими-то его особенностями или действиями, которые он может контролировать сам. Таким образом, анализ случая Карла С. показал, что использование закона эффекта для объяснения поведения человека не всегда оказывается правомерным, поскольку этот закон не учитывает опосредующего влияния ожиданий на связь подкрепления с соответствующим поведением.

Результаты, полученные при изучении случая Карла С., привели как отмечает Фаэс [26, 5], к формулировке гипотезы о существовании психологического континуума, на одном конце которого располагаются индивиды, убежденные в своем контроле над появлением подкреплений, как следствий своего поведения, а на другом конце - индивиды, убежденные в том, что подкрепления появляются независимо от их собственных действий.

Другой эмпирической предпосылкой исследований локализации контроля были экспериментальные исследования поведения в ситуациях с явной связью действий и их результатов (так называемые "достиженческие ситуации" или "задачи на навык") и в ситуациях со случайной связью действий и результатов (так называемые "шансовые задачи"). Поведение испытуемых в этих ситуациях начинает интенсивно исследоваться в психологии, начиная с работы Ф.Хоппе [II] по двум относительно автономным линиям [см., например, 2; 7; 8; 16; 22]. Шансовые задачи и задачи на навык являются вместе с тем очевидными лабораторными моделями тех полярных личностных убеждений, гипотезу о сущест-

вований которых сформулировал Фаэс в результате изучения случая Карла С. Неудивительно поэтому, что в последующих экспериментах Джеймса, Роттера, Фаэса и др. [12; 13; 25 и др.] были созданы на основе шансовых задач и задач на навык ситуативные аналоги полусов предложенного Фаэсом личностного континуума. В этих исследованиях было высказано предположение о том, что особенности ожиданий индивидов могут рассматриваться в двух планах - ситуативном и личностном; при этом ожидания, характеризующие личность, являются, по-видимому, результатами генерализации соответствующих ситуативных ожиданий.

Такие генерализованные личностные ожидания (убеждения) получили впоследствии название "локализация контроля". В соответствии с этими обобщенными ожиданиями "индивиду воспринимают события своей жизни как следствия своих собственных поступков и поэтому как контролируемые (внутренний контроль) или как не связанные с их собственным поведением и поэтому находящиеся вне пределов личного контроля (внешний контроль)" [14, 2]. Вот как определяет локализацию контроля Роттер: "Когда подкрепление воспринимается субъектом как следующее за его действиями, но не вытекающее из самих этих действий, то в нашей культуре оно обычно воспринимается как результат счастливого случая, шанса, судьбы, как находящееся под контролем обладающих властью людей или как непредсказуемое вследствие большой сложности сил окружения. Когда событие интерпретируется индивидом таким образом, мы называем это убеждением во внешнем контроле. Если индивид воспринимает событие как вытекающее из его поведения или из своих относительно постоянных особенностей, то мы называем это убеждением во внутреннем контроле" [32, I; подч. Роттера - А.О.].

Таким образом, "локализация контроля подкрепления" определяется как когнитивная промежуточная переменная, опосредующая влияния внешнего окружения (подкреплений) и внутренних побуждений (ценности подкреплений) на поведение индивида. Предполагается, что характер локализации контроля преобразует эти влияния таким образом, что при неявной (случайной) связи поведения с подкреплением ожидание подкрепления увеличивается в гораздо меньшей степени, чем при явной их связи. Предполагается также, что в зависимости от индивидуального опыта подкреплений индивиды будут различаться по степени приписывания подкреплений собственным действиям.

Эволюция теории социального научения Роттера совершилась, как

мы видим, по линии конкретизации формулы Левина $B = f(P, E)$ за счет введения в нее как ситуативных, так и надситуативных (диспозиционных) когнитивных переменных: $B = f(P, E, B_{sit})$. В этом отношении судьба теории Роттера во многом сходна с судьбой теории мотивации достижения МакКелланда-Аткинсона: обе мотивационные концепции развивались в направлении конкретизации переменных исходной формулы К.Левина.

Характер промежуточных переменных, которые были использованы в теории Роттера, вылинул ее в конце 60-х годов в центр внимания многих психологов, занимавшихся изучением личности, научения, межличностных отношений и т.п. Важно иметь в виду, как указывал Роттер [32], что концепция локализации контроля с самого момента своего возникновения оказалась в окружении многочисленных сходных концепций, в числе которых - психологические теории автономии [1], компетентности [39], зависимости - независимости от окружения [28], мотивации достижения [21] и социологические концепции, важное место в которых занимают такие понятия, как "вера в счастливый случай" [23] и "отчуждение", как господство внешних сил над индивидом [37]. Все эти потенциальные взаимосвязи концепции локализации контроля с другими теориями были констатированы Роттером в публикации 1966 г. [32]. Эта небольшая монография представляет собой важную веху в развитии всего направления исследований локализации контроля: если до ее выхода в свет исследования по данной теме проводились преимущественно в сфере психологии научения и имели довольно узкую проблематику, то после 1966 г. начался этап их ускоренного экспансивного развития. Стандартизованный тест локализации контроля (так называемый "*I-E scale*"), детально описанный в данной работе Роттера послужил еще одной причиной стремительного роста числа исследований локализации контроля. Уже к концу 60-х годов насчитывалось более 300 публикаций по теме "локализация контроля" [35], а еще через десять лет число таких исследований превысило уже 1000. [27].

Лавинообразный рост числа исследований локализации контроля в наименьшей степени был обусловлен, конечно, намерениями и усилиями инициаторов этого направления. Роттер сделал как-то такое образное признание по этому поводу: "Прогуливаясь в лесу, я прикурил трубку и бросил спичку, а когда оглянулся, то увидел лесной пожар" [38, 23].

На фоне множества эмпирических исследований еще более отчетли-

во обнаружились многие теоретические проблемы, поставленные еще в исходном варианте теории социального научения Роттера. Так, например, первоначальная центрация на эклектическом и факторном прочтении формулы Левина (поведение – функция субъективных и объективных факторов) вновь, хотя и на новом уровне, выявила дилемму объективизма-субъективизма (ситуационизма – диспозиционального подхода), не имеющую принципиального решения в русле факторного подхода к проблеме детерминации поведения. Единственной "разумной перспективой" остается здесь, как считает Х.Хекхаузен, "делать суммарные личностные конструкты более личностно специфичными, а суммарные ситуативные условия – более дифференцированными. ... Для того, чтобы обеспечить лучшее соответствие по сложности для обеих сторон взаимодействия индивид-ситуация, личностные конструкты должны быть более идеографическими, а ситуативные факторы – более номотетическими" [10, 31].

В такой перспективе основная цель когнитивной психологии мотивации – предсказание поведения – становится недостижимым фантомом. Увеличение числа переменных в факторных моделях целенаправленного поведения, их дальнейшая дифференциация и конкретизация не столько способствуют прогрессу в точности предсказания поведения и в возможности манипулирования этим поведением, сколько затрудняет этот прогресс, поскольку изучение поведения, как взаимодействия личности и психологического окружения, подменяется при факторном подходе изучением набора корреляционных связей между разрозненными диспозициональными и ситуативными переменными. Очевидно, что только целостная интерпретация формулы Левина (поведение – динамическое единство, взаимодействие субъективных и объективных моментов) может положить конец "дурной бесконечности" факторного подхода в когнитивной психологии мотивации, так как только при такой интерпретации предметом психологического исследования становится само поведение, выступающее в качестве главного, системообразующего элемента взаимодействия личности и психологического окружения. Вместе с тем, на наш взгляд, только такая целостная интерпретация левиновской формулы поведения освободит зарубежных психологов от многих квазинаучных представлений и даст им возможность яснее осознать конечные цели своей научной деятельности.

Устойчивость факторной ориентации в зарубежной психологии обусловлена не только господством в ней схемы реактивного поведения

S-R [9; 19], но также и тем, что данная ориентация отождествляется, как правило, с научным детерминистическим подходом [29]. Отказ от факторной интерпретации поведения рассматривается поэтому как уступка индетерминизму, как отказ от научного подхода в целом. Любое поведение детерминировано конечным набором факторов, — этот тезис объединяет позиции Фрейда и Халла, Меррая и Толмена, Левина и Скиннера, несмотря на все различия их теорий. Понятия автономии, свободы, ответственности личности, как противоречие доведенной до своего логического конца "научной детерминистической ориентации", оказываются лишь архаическими иллюзиями, последними прибежищами индетерминизма в психологии.

Наиболее четко и последовательно эту "детерминистическую позицию" сформулировал Б.Скиннер в монографии "По ту сторону свободы и достоинства" [34], в которой он утверждает, что психологи должны отбросить иллюзию свободы автономного деятеля (личности) и признать, что любое поведение является результатом позитивных и негативных подкреплений. Скиннер рассматривает автономию человека как миф. Он утверждает, что психологи не должны говорить о свободе и ответственности, потому что поведение детерминировано подкреплениями не только в условиях лабораторного эксперимента, но и в реальной жизни. Хотя мы постоянно говорим о свободе и чувстве собственного достоинства, рассуждает Скиннер, общество организовано детерминистическим образом, служащим иллюстрацией закона эффекта; все социальные институты "оформляют" поведение: школы делают это посредством обучения, экономические организации — денежными поощрениями, деловые круги — распределением власти и престижа, полиция — уголовной наказания и т.д. Однако, указывает Скиннер, в то же самое время правящая бюрократия возлагает ответственность за поведение конкретного индивида не на эти социальные институты, а на самого индивида. Для того чтобы построить более гармоничное общество, Скиннер рекомендует пересмотреть ошибочные представления о свободе личности, заменив их детерминистическими принципами обусловливания.

Несмотря на во многом сходную факторную ориентацию, концепция локализации контроля обнаруживает ограниченность и ущербность скиннеровского примитивного детерминизма. Во-первых, действительная утрата человеком свободы и ответственности отнюдь не является предпосылкой гармоничной жизни, она, напротив, прибывает к патологическим

личностным изменениям. Как указывает Фаэс: "прототипом индивида без свободы и достоинства может быть Карл О. ... Действительно, Карл не верил в то, что он контролирует события своим собственным поведением. Хотелось бы знать, - продолжает Фаэс, - состоит ли окончательное следствие скиннеровского воззрения в том, что все мы должны стать Карлами, и является ли такой результат, вообще говоря, желательным" [26, 177]. Во-вторых, несмотря на то, что подобное патопсихологическое расстройство в той или иной степени присуще многим людям, живущим в современном обществе, не следует считать этот факт проявлением естественных особенностей человеческого поведения, поскольку истинная причина подобных аномалий имеет не индивидуальную, а социальную природу. В связи с этим и в другой своей работе Фаэс совершенно справедливо отмечает, что "роттеровское описание индивида с внешней локализацией контроля соответствует не только описанному выше пациенту (Карлу С.-А.О.), оно также соответствует многим другим индивидам, живущим в нашем обществе. Эти индивиды описываются различным образом, - как бессильные, фаталистичные, отчужденные или аномативные (*pathos*). Однако вне зависимости от терминологии все они живут в мире, который вряд ли способен серьезно взяться за решение проблем перенаселения, загрязнения окружающей среды, невосприимчивости правительства, конфликта поколений, студенческих волнений, мятежей в гетто, произвола полиции и т.д.... Локализация контроля затрагивает полные жизни социальные феномены, которые существовали и все еще продолжают существовать в обществе" [27, 265; подчеркнуто нами - А.О.].

Социальную природу утраты автономии, свободы и ответственности личности и патогенность этой утраты, - вот что маскируют положения наивного сциентистского детерминизма. Более того, именно они берутся на вооружение реакционными силами современного общества для того, чтобы "научно" обосновать и тем самым оправдать процессы дегуманизации, усиливающиеся в настоящее время, чтобы окончательно, на деле ликвидировать свободу человека.

Итак, в современной когнитивной психологии мотивации полемика с наивным и ограниченным детерминизмом Скиннера и, следовательно, с ортодоксальным факторным подходом к проблеме детерминации поведения развивается по двум различным направлениям. С одной стороны, подчеркивается значимость когнитивных ожиданий, как субъективных факторов, управляющих поведением индивида. Б.Вейнер выразил эту

точку зрения модернизированного факторного подхода таким образом: "объективная причинность и субъективная свобода не исключают друг друга. Более того, если индивиды верят, что они обладают свободной волей, и это влияет на их действия, то, следовательно, даже детерминисты должны принять существование этого субъективного состояния" [38, 261]. На этом пути, ведущем ко все более изощренному манипулированию поведением, даже свобода человека оказывается лишь одним из психологических факторов, обеспечивающих его подконтрольность.

С другой стороны, многие зарубежные психологи ясно осознают, что автономия, свобода и ответственность личности представляют собой объективные и социально детерминированные ценности. Усиливающаяся власть современного общества над каждым конкретным индивидом разрушает эти ценности, поэтому ей необходимо противостоять. "Против власти - пишет П.Лондон - не существует противоядия кроме власти... Но существует этическое использование власти. Для того, чтобы использовать справедливость против беззакония, необходимо выстроить в боевой порядок законную власть... Для того, чтобы защищать свободу индивидов, необходимо увеличить их власть" [18, 213].

В современной когнитивной психологии мотивации антитеза факторного и целостного подходов к изучению детерминант поведения продолжает сохраняться. Однако теперь, когда накоплен огромный и очень разнообразный фактический материал, поиски ее решения все чаще приводят академические дискуссии к постановке принципиальных, мировоззренческих вопросов: Каковы конечные цели и социальные последствия психологических исследований? Какова роль психологов в современном обществе? В чьих интересах они ведут научную работу? Фактический материал, наработанный в русле концепции локализации контроля, особенно определенно ставит зарубежных психологов в ситуацию выбора: либо поставить свою науку на службу силам, манипулирующим человеком, его поведением, сознанием и личностью, либо поставить психологию на службу человеку, помочь ему сохранить и увеличить свою автономию, свободу и ответственность. Будущее концепции локализации контроля, как и будущее зарубежной когнитивной психологии мотивации в целом, во многом зависит от того, какой из этих двух путей будет выбран.

Список литературы

1. Angyal A. Foundations for a science of personality... - N.Y., 1941.

- 28-
2. Atkinson J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior. - *Psychol. Rev.*, 1957, v. 64.
 3. Atkinson J.W. (Ed.). *Motives in fantasy, action and society*. - Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1958.
 4. Atkinson J. W., Feather N.T. (Eds.) *A theory of achievement motivation*. N.Y.: Wiley, 1966.
 5. Atkinson J.W., Reynor J.O. (Eds). *Motivation and achievement*. -N.Y., 1974.
 6. Bandura A. *Social learning theory*. - N.Y., 1977.
 7. Cohen J. *Chance, skill and luck*. - Baltimore: Penguin Books, 1960.
 8. Edwards W. *The theory of decision making*. - *Psychol. Bull.*, 1954, v. 51.
 9. Hanni R. *Motivational theories*. - In: Eysenck H.J. a.o. (Eds). *Encyclopedia of psychology*. - London, 1971, v. 1.
 10. Heckhausen H. *Achievement motivation and its constructs: A cognitive model*. - In: *Motivation and emotion*, 1977, v. 1.
 11. Hoppe F. *Erfolg und Misserfolg*. - *Psychol. Forsch.*, 1930, Bd. 14.
 12. James W.H. *Internal versus external control of reinforcement as a basic variable in learning theory*: Unpubl. doctoral dissertation / Ohio State Univ., 1957.
 13. James W.H., Rotter J.B. *Partial and 100% reinforcement under chance and skill conditions*. - *J. of experimental Psychol.*, 1958, v. 55.
 14. Leacock H.M. *Recent developments in the study of locus of control*. - In: *Progress in experimental personality research*/ At ed B.A. Maher. N.Y.: Academic Press, 1972, v.6.
 15. Levin K., *Principles of topological psychology*. N.Y.- London,, 1936.
 16. Levin K., Dembo T., Festinger L., Sears P. *Level of aspiration*. - In: *Personality and behavior disorders*/ At ed J.McV. Hunt. N.Y., 1944.
 17. Liebert R.M., Spiegler M.D. *Personality: Strategies for the study of man*. Homewood, Ill.: Dorsey, 1974.
 18. London P. *Behavior control*. - N.Y., 1969.
 19. Madsen K.B. *Theories of motivation*. - In: *Handbook of general psychology*. Englewood Cliffs/ At ed B.B. Wolman,- N.J.: Prentice Hall, 1973.

20. Madsen K.B. Modern theories of motivation. - N.Y., 1974.
21. The achievement motives/ D.C. McClelland, J.W. Atkinson, R.A. Clark, E.L. Lowell - N.Y., 1953.
22. Mehl U. Über Erfolge und MiBerfolge un Leistungs und Zufallbereich.- Z. für Psychol., 1962, Bd. 167.
23. Merton R. Mass persuasion.- N.Y., 1946.
24. Mischel W. Introduction to personality.- N.Y., 1971.
25. Phares E.J. Expectancy changes in skill and chance situations- J. of abnorm. and soc. Psychol., 1957, v. 54.
26. Phares E.J. Locus of control in personality. Morris-town, N.J., 1976.
27. Phares E.J. Locus of control.- In: London H., Exner J.(Eds.) Dimensions of personality.-N.Y., 1978.
28. Riesman D. Selected essays from individualism reconsidered. - N.Y., 1954.
29. Roth H. S-R psychology. -In: Eysenck H.J.,a.o. (Eds.), Encyclopedia of psychology.- London, 1975.
30. Rotter J.B. Social learning and clinical psychology. Englewood Cliffs, N.J., 1954.
31. Rotter J.B. Some implications of a social learning theory for the prediction of a goal directed behavior from testing procedures.- Psychol. Rev., 1960, v. 67.
32. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement.- Psychol. Monographs : General and Applied, 1966.
33. Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. (Eds.) Application of social learning theory of personality.- N.Y., 1972.
34. Skinner B.F. Beyond freedom and dignity.- N.Y., 1971.
35. Throop W.F., Macdonald A.P. Internal-external locus of control: A bibliography.- Psychol. Reports, 1971, v.28.
36. Tolman E.C. Purposive behavior in animal and man.- N.Y., 1932.
37. Weber M. The protestant ethic.- N.Y., 1930.
38. Weiner B. Human motivation. - N.Y., 1980.
39. White R.W. Motivation Reconsidered :the concept of competence.- Psychol. Rev., 1959, v. 66